

От воли и неволи к свободе: традиционные представления в русском песенном фольклоре Сибири и Дальнего Востока России

Татьяна Владимировна Краюшкина,

доктор филологических наук, главный научный сотрудник Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: kvtbp@yandex.ru

В статье на материале классического песенного фольклора (былин, баллад, исторических песен) и позднетрадиционного фольклора (песен каторги и ссылки, песен периода Гражданской войны) рассматриваются значимые для системы традиционных представлений русского народа понятия *воли*, *неволи* и *свободы*. В качестве материала послужили тексты, зафиксированные на территории Сибири и Дальнего Востока в период с 1853 по 1988 г., привлекались и произведения обозначенных жанров, записанные в других регионах России и обнаруженные на просторах сети Интернет. Делаются выводы о специфике изучаемых понятий и особенностях их функционирования. Выявляются характеристики *воли*, *неволи* и *свободы*, присущие русскому традиционному сознанию. Представление *о неволе* в классическом песенном фольклоре более разработано, чем представление *о воле*. В классическом песенном фольклоре обнаруживается стабильная, неосложнённая модель представлений *о воле*, в позднетрадиционном песенном фольклоре она трансформируется, наполняясь новыми смыслами, обретая неизвестные ранее способы реализации. Сравнение представления *о воле* в классическом песенном фольклоре с представлением *о свободе* в позднетрадиционном фольклоре показывает, что *воля* и *свобода* имеют разную семантическую наполненность. *Воля* — частная, нужна самому человеку, добывается бескровными методами, имеет отношение к представителям всех классов, ей присуща слабая эмоциональная окрашенность. *Свобода* — массовая, навязывается другими, добывается в кровавой борьбе, имеет отношение к представителям конкретного класса, для неё характерна сильная эмоциональная окрашенность. Понятия о свободе представителей белого и красного движения отличаются друг от друга.

Ключевые слова: воля, неволя, свобода, русский песенный фольклор, песни периода Гражданской войны, Сибирь, Дальний Восток.

**From Will and Captivity to Freedom: Traditional Representations
in Russian Song Folklore of Siberia and the Russian Far East.**

Tat'yana Krayushkina, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: kvtpb@yandex.ru.

Based on the materials of classical song folklore (epics, ballads and historical songs) and late traditional folklore (penal servitude and exile songs, songs of the Civil War period), the paper examines the concepts of will, bondage and freedom that are significant for the system of traditional representations of the Russian people. The following materials were used for the analysis: the texts recorded on the territory of Siberia and the Far East from 1853 to 1988 and the texts of designated genres recorded in other regions of Russia and found on the Internet. The conclusions are drawn about the specifics of these concepts and the features of their functioning. The characteristics of will, bondage and freedom inherent in Russian traditional consciousness are revealed. The concept of captivity in classical song folklore is more developed than the concept of will. A stable, uncomplicated model of ideas about will is found in the classical song folklore. In the late traditional song folklore, it is transformed filling with new meanings and acquiring previously unknown methods of implementation. The comparison of the notion of will in the classical song folklore with the notion of freedom in the late traditional folklore shows that will and freedom have different meaningfulness. Will is private and necessary for the person, obtained by bloodless methods, related to representatives of all classes and has a weak emotional connotation. Freedom is massive, imposed by others, obtained in a bloody struggle, related to representatives of a particular class and has a strong emotional connotation. The concept of freedom of the representatives of the White and Red movements differ from each other.

Keywords: will, captivity, freedom, Russian song folklore, songs of the Civil War period, Siberia, Far East.

Представления *о воле и неволе* по праву можно считать базовыми в системе традиционных представлений русского народа. В былинах, балладах, исторических песнях они реализуются с учётом специфики сюжетной и образной систем обозначенных жанров. При этом, безусловно, влияние на функционирование сюжетно-образной системы фольклора оказывает история народа — как её переломные моменты, так и локальные, частные события. В XIX в. под воздействием внешних факторов происходит пополнение представлений, в том числе и за счёт нового для традиционной системы понятия *о свободе*.

Цель данной работы — выявление специфики понятий *воля, неволя и свобода* в русском песенном фольклоре. Итак, какими предстают они в обозначенных жанрах? В чём заключается особенность их функционирования? Эти задачи будут решены в статье. Следует оговориться, что

внимание будет сосредоточено именно на тех случаях, когда изучаемые понятия (или однокоренные, синонимичные им) будут конкретно названы.

Материалом для анализа представлений *о воле и неволе* (в том числе и *о пленении*) послужили былины, баллады, исторические песни, зафиксированные на территории Сибири и Дальнего Востока (в Забайкалье, Приморском крае, в Омской, Курганской, Новосибирской, Сахалинской областях) в период с 1853 по 1988 г., в качестве подтверждения некоторых тезисов привлекались и произведения обозначенных жанров, записанные в других регионах России (к сожалению, в источнике отсутствуют данные о месте и времени фиксации) [3]. В совокупности было исследовано 96 былин, 108 балладных песен (из них 34 записаны за пределами Сибири и Дальнего Востока), 295 исторических песен (66 зафиксированы на территории рассматриваемого региона) (всего — 499 текстов). Из указанного количества *о воле* говорится в 4 балладах, 6 исторических песнях, *о неволе, плене, темнице, тюрьме* — в 6 былинах, 19 балладах, 22 исторических песнях. Очевидно, что упоминания *о неволе* и сопутствующих ей понятиях (47 текстов, или 9,4% от исследованного материала) преобладают над упоминаниями *о воле* (10 текстов, что составляет 2% от общего количества). Песни каторги и ссылки также служат интересным материалом, поскольку в них сохраняются традиционные понятия и появляется новое представление — *о свободе*. Всего было исследовано 67 песен указанного жанра, записанных в 1839—1979 гг. в Амурской, Иркутской, Омской, Читинской областях, Хабаровском и Приморском краях, Бурятской АССР. Из них в восьми текстах говорится *о воле*, в шести — *о неволе*, в трёх — *о свободе*.

На большую значимость представлений *о свободе* (в сравнении с *волей* и *неволей*) в песнях периода Гражданской войны указывает частотность употребления этого слова в текстах. Так, из 345 проанализированных песен рассматриваемого периода о свободе говорится в 99 (27,9%), о воле — в 5 (1,4%), о неволе — в 7 (2%), о добровольцах — в 4 (1,16%). На преобладание в песнях периода Гражданской войны темы / мотива свободы указывает количество данных текстов: 99 песен о свободе сторонников Красного движения, 6 — представителей Белого движения, а также 5 песен о воле (всего 110 текстов). Показательна и частотность упоминания в каждом источнике. Из 99 песен, исполнявшихся представителями Красного движения, о свободе упоминается по одному разу в 65 песнях, дважды — в 22 песнях, трижды — в 7, по шесть — в 2, по 10 раз — также в 2. В шести песнях представителей Белого движения о свободе упоминается по одному разу. Партизанские песни были зафиксированы в 1918—1969 гг. в Амурской, Иркутской и Читинской областях, в Красноярском, Приморском и Хабаровском краях, Бурятской АССР. К сожалению, паспортные данные не всегда имеют необходимую информацию. У девяти текстов не обозначено место фиксации, у восьми отсутствует год фиксации (даже приблизительно). Тексты песен Белой армии найдены на просторах Интернета.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НЕВОЛЕ И НЕВОЛЬНИКАХ В БЫЛИНАХ

Поскольку наиболее продуктивным для русского песенного фольклора является восприятие трагичности ситуации, то и мотивы *пленения, неволи, темницы* оказываются более популярными, чем мотив *воли*. Плен в былинах связан с образами как своих, так и чужих.

Весьма показательно, что в проанализированных былинах с образами своих связана только угроза пленения. Она распространяется и на царя, и на целый город или даже на весь православный народ [9, с. 138, 140]. Особенностью пленения татар царём Елизаром оказывается активность этого действия (*Вишя его [царя Елизара] силушка татар пленит, / Татар пленит, как лес клонит* [9, с. 114]). В былинах показана специфика отбора тех, кого можно взять в плен. Илья Муромец, похваляясь своей силой, угрожает *старых турков повырубить, а молодых турчат в полон взять* [9, с. 185]. Пленёнными могут называться не только люди, но и кони. В былине «Иван гостиный сын» говорится *о полоненом в хороброй Литве воронке* Ильёй Муромцем и подаренном богатырём князю [9, с. 202].

Невольничками в обозначенном жанре именуются рабы на галерах, их руки завязаны, ноги — закованы, а глаза — завешаны. Лишь один из них свободно передвигается по кораблю. Он молится Богу и святому Николаю Чудотворцу. Молитва невольника, по традиционным представлениям, подобно молитвам других несчастных — вдов и сирот, — *Богу доходная* [9, с. 198]. Спасённым и перенесённым ветром на корабле на Святую Русь оказывается только тот из *невольничков*, кто молился, остальные тонут. Выполнение обета — выстроить церковь за чудесное спасение — изображается чертой невольника.

В положении невольницы оказывается Настасья Никулишна, героиня былины «Добрыня и Алёша». Показательно, что в первый раз, когда князь Владимир сватает её за Добрыню, *она не шла, а Владимир не поневолил* [9, с. 238]; когда же он сватает её во второй раз — уже за Олешу — *Микулишна не шла, а Владимир <...> поневолил жа ее...* [9, с. 240]. Упоминания *о воле* в проанализированных былинах нами обнаружены не были.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВОЛЕ, НЕВОЛЕ И ПЛЕННИКАХ В БАЛЛАДАХ

В балладной песне *воля* становится популярным мотивом. В трёх вариантах песни «Сокол улетел из неволи» поётся о птице, освободившейся из царской клетки. Ключник просит его вернуться, но для сокола своя воля оказывается важнее ключника, который будет казнён из-за потери сокола: — *Что теперь мне, соколу, своя воля, / И куды я захочу, туды я полечу* <...> [9, с. 271]. В этой песне *воля* одновременно и освобождение из плена, и свобода действий.

В балладах представления о *плене, неволе, темнице* оказываются более разработанными, чем в былинах. Популярна была баллада о теще, находящейся в плену у зятя. В песне делается акцент на национальной принадлежности пленницы (это с *Руси русская полоняночка, турчанка, чукчанка*) и её хозяина (*киргизьё, турок, турок-чукча*). В одном из текстов именно полонянка проявляет активность, предлагая себя потенциальному хозяину и обещая ему *детей качать*. Муж учит жену, какие работы должна выполнять полонянка в их доме: пряхть кудель, пасти гусей и качать дитя.

В плену у *царица Грубияница* оказываются *княгинюшки*, после того как их мужей убивают [3, с. 101], девушка — у молодца, при этом она сама показывает ему свою высокую материальную ценность, описывая кунью шубу, золотой перстень и золотой венец [9, с. 210].

Девку руськую, полоняночку, заливающуюся горькими слезами, делят три татарина [9, с. 211]: один хочет выдать её замуж за своего сына, второй — за племянника, а третий — жениться сам. Интересно, что реакция девушки на эти предложения остаётся за рамками повествования, но вот реакция русского, подслушавшего этот разговор, изображается как норма: он убивает татар, а девушку увозит с собой. В результате она оказывается его родной сестрой. Брак с *дородным татаринцом* может стать уделом другой *красной девицы, души русской*, — эту судьбу ей прочат полонившие её два татарина. Но и её спасает русский молодец, оказавшийся её братом. И в одной, и в другой балладе значимо избегание инцеста полонянкой, потому что именно она выпытывает о происхождении своего спасителя: в первом случае это уберегает её от насилия, а во втором — от венчанного брака с родным братом. Позднее, когда татарский полон перестаёт быть страшным явлением действительности, возникают баллады о пленении неузнанной сестры родными братьями, ставшими разбойниками, и насилии над нею. Раскаянье оказывается запоздалым. Пленение выступает одним из страшных злодеяний против членов своей семьи:

*Вставайте-ка, что мы наделали:
Родного зятя мы зарезали,
Родного племянника в море бросили,
Родну сестру во полон взяли!* [9, с. 217]

В плену у татар томится девушка, она сама просит захватчиков написать письмо её отцу, чтобы он *ехал выкупать* её *из чужой земли* [3, с. 90]; из татарского плена бежит другая героиня, которая предпочитает смерть браку с мордовичем, обещающему спасти её, если она станет его женой.

Безусловно, баллада — жанр, показывающий преимущественно жизнь отдельного человека, его индивидуальные страдания. Но изредка встречаются и упоминания о страданиях группы людей. Так, в балладе «Полонянин» показывается трагичность пленения *злыми татаровьями* большой группы людей, из которых самым несчастным изображается сирота. Общая беда не нивелирует, а, напротив, подчёркивает социальные различия пленников:

*За собой вели собаки много полону,
Много полону, много князей-бояр,
Назади ведут удала добра молодца,
По имени зовут его Сироточкой,
<...> вдовиным сыном [9, с. 209].*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВОЛЕ, НЕВОЛЕ И ПЛЕННИКАХ В ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

В исторических песнях, тематическое поле которых связано с военными и сопутствующими им сюжетами, *воля* представлена как желаемое и недоступное состояние пленника. Герой ждёт выкупа и выручки с родной стороны, только после этого у него будет *своя воля* [3, с. 395]. Губернатор именуется захвативших его бурлаков *людьми вольными* и пытается выкупиться у них [3, с. 399]. В песне «Вор Гаврюша» сидящие в темнице *колоднички* просят Гаврюшу освободить их, при этом *воля* приобретает значение конкретного локуса: *выпусти «на ту ли на волюшку — на матушку Волгу!»* [3, с. 419]. *Волюшка товарищей* противопоставляется *неволюшке* Ванюшки, сидящего в *темной темнице* [3, с. 421]. Популярна была песня о графе Чернышёве, томящемся в темнице у прусского короля. Смелый Чернышёв просит, как и Ермак, *кормить* его и *поить*, казнить или *на Русь пустить* [3, с. 540]. При этом *воля* русского в плену не сломлена. В ответ на предложение прусского короля служить ему граф отвечает угрозой: *Кабы был я на своей воле, / Я бы рад был тебе служить / На твоей бы буйной голове <...>* [3, с. 541].

В исторических песнях мотив неволи связан с вынужденной солдатской службой. *Служба государская* называется *большой неволюшкой* [3, с. 466]. И в другой песне именно солдатская служба имеет эту же степень: *Он [добрый молодец] не сам пошел, не своей охотой, / Повели его барскую болшею неволюю <...>* [3, с. 485]. Показательна степень *неволюшки*: в прежде рассмотренных песнях, связанных с пленением, об этом не говорилось.

Ещё один мотив — мотив *плена* — связан с образами русских высокопоставленных военных, оказавшихся захваченными, но не сломленными врагами: генерала Ивана Матвеевича Краснощёкова, графа Захара Григорьевича Чернышёва. В одной из песен Максим Краснощёков возвращается из турецкого плена, везёт с собой *двух полоняночек, турецкого хана двух дочерей* [3, с. 485], которых он дарит царю Ивану Грозному. Не избежали исторические песни и сюжета о пленении русских населённых пунктов русскими войсками: так, Иван Грозный полонит *славное Обское* и *Новгород* [3, с. 187].

Реже говорится о пленении врагов: к примеру, известна песня о взятии в плен шведского майора, у которого граф Шереметьев пытается узнать о численности шведских войск. Майор пытается утратить русского графа, но у него это не получается.

Темница, тюрьма в исторических песнях — место заключения русских выдающихся деятелей, к числу которых принадлежит Ермак. Показательно, что обвиняются не враги, захватившие в плен, а тюрьма. Этот перенос ответственности с субъекта на объект характерен для традиционных представлений:

*Среди Азова-города
Стоит темная темница,
А злодейка — земляная тюрьма [3, с. 159].*

В темнице железные двери, замок в три пуда и булатные пробои.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВОЛЕ, НЕВОЛЕ И СВОБОДЕ В ПЕСНЯХ КАТОРГИ И ССЫЛКИ

Ещё один жанр — песни каторги и ссылки — можно рассматривать как переходное явление между песнями, где транслируются представления *о воле* и *неволе*, и песнями периода Гражданской войны, где доминирует представление *о свободе*. Возникшие на основе разбойничьих песен, песен литературного происхождения, переработанных народом, тюремные песни транслируют особое, можно сказать, более усложнённое в смысловом плане представление об исследуемых понятиях, в чём, несомненно, прослеживается влияние авторской поэзии.

В обозначенном жанре *неволя* предстаёт непреодолимым состоянием, позиционируясь компонентом значимого для русского традиционного представления феноменом — *доли*: *Мы все проклинаем в тюрьмах свою долю, / В цепях, под конвоем идем мы в неволю [8, с. 43]*. С этим соотносится и её определение — *горькой неволюшки [8, с. 52]*, о которой герой просит жаворонка сообщить отцу. *Неволя*, приобретая значение отдалённого локуса и пути к нему, вмешивается в судьбы людей, нарушает привычный уклад жизни, в том числе рушит и отношения *с милым дружкойм*:

*Разлучила нас неволя,
Нас неволя, не охота,
Чужа-дальняя сторонка,
Что якутская дорожка [8, с. 46].*

Невольники нуждаются не только в пропитании, для них очень важным оказывается эмоциональное участие *батушек* и *матушек*: от них заключённые ожидают жалости [8, с. 49]. Традиционно описываются условия содержания, которые приобретают гиперболизированное значение конкретного закрытого локуса:

*Мы сидим во неволюшке —
Во неволюшке: в тюрьмах каменных,
За решетками за железными,
За дверями за дубовыми,
За замками за висячими [8, с. 49].*

Впрочем, песням каторги и ссылки известно и современное тому периоду описание жизни невольников. Например, труд в неволе становится тяжёлым испытанием, наказанием:

*Ты солярня, солярня злодейская,
Кто тебя выдумал, нечистая,
На головы наши невольничьи,
На рученьки наши беленькие? [8, с. 68]*

И вновь возникает образ птицы — медиатора между мирами воли и неволи. Невольники просят *сизокрыленького*, летящего на родную сторонушку, поклониться за них. Для невольников значимым является передать весточку о себе. Не были выявлены сюжеты, где бы невольники просили птиц принести им весточку от родных. Таким образом, очевидна однонаправленность передвижения птицы-медиатора: она летит из неволи на волю, но не наоборот; более значимой для невольника оказывается собственная участь, чем судьба его близких.

Мотив раскаяния возникает только в тех сюжетах, где говорится о смерти *злого невольника* (негативная оценка этих персонажей в обозначенном песенном жанре обнаруживается редко). Перед казнью он просит прощения *у всего белого света и у всего народа [8, с. 77].*

Воля в песнях каторги и ссылки — самое желанное, но при этом пока не достижимое состояние. Воля реализуется в традиционных русских природных локусах, о которых мечтает герой: это *лес да поляшко [8, с. 66]. Вольную волюшку можно увидеть, созерцая поля и леса [8, с. 66].* Любопытно восприятие воли и локальных объектов, с нею связанных: если *воля-волюшка* имеет привязку к эмоциональному восприятию (она *в душе*), то конкретные локусы, имеющие к воле отношение, находятся у героя *в голове [8, с. 66].* Но воля пока недостижима, потому что невольник не может *цепь порвать [8, с. 56].* Герой живёт ожиданием воли, он уже конкретно описывает действия, которые будет совершать на воле, центром притяжения становится малая родина: *Из тюрьмы я на волю пойду. / По лесам и лугам я бродяжить пойду, / До села я родного дойду [8, с. 71].* Впрочем, когда невольники оказываются за стенами тюрьмы, например, сбежав оттуда, их жизнь иногда заканчивается трагически. Значимо соотношение воли с традиционным для русской картины мира локусом — светом: *Из тюрьмы я на волю бежала. / Но недолго пришлось ей на свете гулять, / За кустом ее смерть ожидала [8, с. 84].*

Единичным можно считать значение рассматриваемого понятия как доминирование чужой воли над волей простого человека: *Воля грозного монарха — /Мы спешим в восточный край* [8, с. 95].

Показательно, что иногда мотив *воли* функционирует наравне с мотивом *свободы*, что является новым для русского песенного фольклора. Арестанта везут на каторгу, он просит освободить его, причём именно он, заключённый, считает себя способным научить любить свободу всех прочих людей. Так воля становится ценностью, при этом, когда герой находился на свободе, она не воспринималась таковой: *Сбейте оковы /И дайте мне волю, /Я научу вас свободу любить* [8, с. 37]. Во втором куплете свобода оказывается заменена другой значимой категорией — *любовью*, что указывает на возникающую между ними корреляцию в народном сознании: *Сбейте оковы /И дайте мне волю, /Я научу вас /Любя умирать* [8, с. 37].

В другой песне изображается попытка арестанта сбежать. Заслуживает внимания абстрагирование героя от свободы: её желает не сам человек, это эмоциональная потребность его сердца:

*Не дни и не месяцы — долгие годы
В тюрьме осужден я страдать,
А бедное сердце так жаждет свободы —
Нет, дольше не в силах я ждать!..* [8, с. 78]

Свобода и *воля* в этом жанре иногда разграничиваются. Если *свобода* получает эмоциональное закрепление, становясь потребностью *сердца*, то *святая воля* принимает семантику жизни, вступая в противопоставление со *штыком или пулей* [8, с. 78]. Это же разграничение повторяется в окончании песни, когда пойманный арестант, пытавшийся сбежать, прощается сначала с жизнью, а затем — со свободой: *Прощай, жизнь, свобода, прощай!* [8, с. 79]

Ещё одно разграничение связано с понятием свободного действия. Если *свободно вздохнуть* арестантам *мешает* *каменная тюрьма* [8, с. 54], то жить свободно не дают уже люди, причём, какие именно — караульщики или вообще люди, — из текста песни непонятно: *Нас преступниками считают /И жить свободно не дают, /По ссылкам, каторгам гоняют <...>* [8, с. 54].

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВОЛЕ И НЕВОЛЕ В ПЕСНЯХ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Подсчёт демонстрирует доминирование мотива *свободы* над мотивами *воли* и *неволи* в песнях периода Гражданской войны. Показательно и сочетание в текстах анализируемых мотивов. Только *о воле* упоминается лишь в одном исследованном нами тексте (дважды), все остальные тексты, в которых говорится *о воле* или *неволе*, содержат комбинацию

двух-трёх понятий. Так, одно упоминание *воли* и одно — *свободы* встречается в семи песнях, два — *воли* и одно — *свободы* — в четырёх, три — *воли* и одно — *свободы* — в одном, три — *воли* и два — *свободы* — в одном, одно — *воли* и два — *свободы* — в трёх. Одно упоминание *о неволе* сочетается с одним упоминанием *о свободе* — в одном тексте; два — *о неволе* и один — *о свободе* — в двух; одно — *о неволе* и два — *о свободе* — в одном; одно — *о неволе* и десять — *о свободе* — в двух. В единственном тексте сообщается *о добровольце* и *свободе* (по одному разу). Остальные песни демонстрируют комбинацию трёх понятий (или двух понятий и наименования героя): по одному разу упоминаются *воля*, *свобода* и *доброволец* (в одной песне), в другом произведении дважды говорится *о воле*, единожды — *о неволе* и *свободе*; в третьем дважды сообщается *о воле*, единожды — *о свободе* и *добровольце*.

Воля в песнях периода Гражданской войны и сохраняет прежнее семантическое содержание, и наполняется новыми смыслами. *Воля* в значении *свободы* недостижима в мирном существовании: её *завоевывают в битве*, устраивают *партизанские набеги* (*И партизанские набеги / В борьбе за волю начались* [12, с. 172]), за неё *ала кровь проливается рекой*, причём уточняется, что за *вольную волюшку* проливается *своя кровь*, *волю необходимо отстоять*, это можно сделать только единственным способом: *Мы встретим бесстрашно стальную щетиной / Врагов кровожадную рать, / Мы кинемся в битву могучей лавиной <...>* [1, с. 98].

Воле обязательно приносятся кровавые жертвы, причём эти жертвы — добровольные. Альтруизм — перманентная черта героев (рабочих, коммунистов, коммунаров, руководителей партизанского движения), отдающих свою жизнь за волю народа. Ценность жертвы увеличивается потому, что отдаётся *молодая жизнь*, погибший *мало пожил*. Страдание за волю дополняется смыслом, который может быть охарактеризован как потребность в страдании: *за <...> волю / Ты с радостью в сердце страдал* [1, с. 177]. Насажение воли идёт вразрез с учётом потребности в этой самой воле народа: мечтает один, а о потребности в счастье тех, кого он пытается сделать счастливыми, вообще не говорится. Так *воля* позиционируется как потребность эгоцентриста, учитывающего только собственные желания: *Я отдал все силы мечте одинокой / О воле, о братстве, о счастье везде* [1, с. 161].

Воля традиционно имеет локальную реализацию, которая проявляется в следующих мотивах. Она противопоставляется тюремному заточению, *на волю глядят сквозь решетку*. В другой песне пространство воли реализуется в более значительных локусах: *в свободном краю, царстве воли, труда* [1, с. 185]. Показательно, что предназначение этих локусов может описываться и таким образом: *Теплым словом любви он помянет тогда / Тех, кто честно народному делу служил. / И в борьбе за него свою жизнь положил* [1, с. 185]. Другими словами, *царство воли* предназначено не только для того, чтобы жить в нём счастливо в настоящем, но и для воспоминания о погибших, для возврата в прошлое.

Зацикленность на прошлом — показатель нереализованной психологической потребности — становится одной из характеристик героев. Насмешкой звучит обещание *воли на небе* в устах палача-генерала, приказывающего расстрелять коммунаров [1, с. 97]. Новым для песенного фольклора является осмысление воли как периода, времени, которое ещё не настало: *Зачем не дождался ты воли народа / И радостных дней, что грядут впереди* [1, с. 177].

Ещё одна реализация изучаемого понятия связана с пением. Обращает на себя внимание, что песня упоминается в исследованных текстах всегда в единственном числе, т.е. *песня вольная* может быть только одна, в сознании народа она не имеет вариантов. *Песня вольная* сопутствует боевым действиям, её поют представители Красной армии [1, с. 35]. Показательно, что характеристика песни может усложняться, например, позиционируясь как *песня воли и труда* [1, с. 35]. Согласно другому тексту, её звучание возможно только после того, как закончится *царство палачей*, при этом песня наделяется солярной символикой: *Разлилась бы песня вольная / Светом солнечных лучей* [1, с. 210].

Мотив *вольной песни* может быть связан с образом *вольного ветра*. Израненный казак умирает за народ, обращается к *ветру вольному*, прося рассказать на казачьем круге о его смерти и передать его просьбу *молодой жене*: *Пусть по мне она / Не кручинится, <...> / Пусть с тобой она / Повенчается, / Чтобы вместе петь / Песню вольную...* [1, с. 58—59]. Так ценность семьи постепенно начинает заменяться другой ценностью — волей.

Наряду с *волей* упоминаются и другие понятия, дополнительно её характеризующие. *Волю и землю* для народа завоёвывают; гибнут за *счастьем, за волю, народ*; кровь проливают за *свободу и волю*; на поле военных действий воля проявляется в негативном ключе — вместе с *проклятиями и криками*; казнят за *волю и братство*; мечтают о *воле, братстве и счастье*.

Воля в другом её значении — как желание — принадлежит и представителям Красного движения, и рабочим с крестьянами, и детям, растущим в Советской стране, и представителям Белого движения (*опричнику злому, чужому*). Если воля партизан наделяется определениями (она *сильна, непреклонна*), то воля их оппонентов лишена характеристик. Показательно, что воля может приписываться неодушевлённым предметам или действиям (*мечу, плетям, расстрелам*).

Безусловно, каждый жанр подразумевает наличие уникальной образной системы. Стоит обратить внимание, что о *невольниках* в песнях периода Гражданской войны не говорится: указанное наименование персонажей неактуально для этого жанра, но сюжеты о пленённых и казнённых представителях Красного или Белого движения популярны. В песнях красноармейцев появляется новый типаж — *доброволец*. Кто же он такой? В четырёх вариантах песни «Два брата» добровольцем уходит то старший, то младший брат, но стабильным оказывается уход брата-добровольца к *белым* [1, с. 211, 212, 213].

Неволя традиционно связана с заключением, в ней томятся представители Красного движения: *в неволе тоскливо и душно* [1, с. 49]. Показательно, что эта оценка приписывается не заключённым, а их находящимся на свободе сторонникам. Такая — внешняя — оценка неволи не была известна традиционному песенному фольклору. Именно сторонники пытаются вдохновить заключённых идеей общего дела, для которого частная жизнь — лишь малозначительная ступень к достижению общей цели: *Пусть вам в неволе сияет как прежде / Братьев погибших завет* [1, с. 48].

Упоминается неволя и в отрицающих лозунгах, обращённых *ко всему трудящемуся люду*, например: *Долой неволю и невзгоды* [1, с. 38]. Подобный лозунг звучит в последних словах коммунаров, которых вот-вот казнят белые. Смерть трактуется ими как желанное окончание неволи: *Стреляйте вернее, готовься, не трусь, / Пусть кончится наша неволя!* [1, с. 98]. Неволя обретает не только значение пространства, причём это не малый локус, как, например, в исторических песнях или песнях каторги, она занимает значительное пространство, демонстрируя при этом ещё один элемент — функцию доминирования: *И в царстве неволи, расстрелов, плетей / Свои же тебя проклинаят* [1, с. 61]. Неволя воплощает в себе и значение субъекта, что тоже ново. Так именуются представители Белого движения: *От Змея Горыныча — русской неволи / Две голы отсекли уж мечом* [1, с. 121].

Неволя в песнях этого периода обретает неизвестное ранее значение, наделяется чертами социального угнетения. В таком ключе неволю воспринимает героиня, вынужденная подростком наниматься за кусок хлеба, причём работодателям это вменяется в вину: *Наша молодость прошла / У людей в неволе* [1, с. 130]. В этой же песне уже судьба обвиняется в том, что не наделила героиню счастливой жизнью. Лишённая светлой радости, ласки, она утратила красоту: *Износили ее / Горе да неволя* [1, с. 130].

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СВОБОДЕ В ПЕСНЯХ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Свобода в песнях Гражданской войны является одной из характеристик субъекта. Свободными могут называться *Россия, солдаты Сибири, армия*. Они в движении, обязательно куда-то направляются: *вперёд, в бой, за путеводной звездой*. Довольно часто свободным называется *народ*. Ему присуще сбросить *цепь тиранов могучей рукой*, быть прославленным за то, что идёт *за красной звездой*, свободные не хотят становиться *усмиряемыми*, свобода полагается *вовсеки веков*. Для свободного народа важно рассказывание о прошлом (например, *о позорной были*) или идентификация целого народа одним из его представителей (*Катя свой народ свободным назовет*).

Субъекты описываются через родственные и свойственные связи со свободой (*мы юные дети свободы прекрасной, свободные сыны, невеста*

мне — свобода), причём эти связи являются не чем иным, как самоидентификацией. Для названия третьего лица родственные или свойственные связи со свободой не применяются.

Отличной семантикой обладают образы представителей Красного движения. В проанализированных текстах *борцами* или *бойцами за свободу* именуется только те, кто вот-вот будет казнён или уже убит. Живые партизаны, представители Красной армии, *борцами за свободу* не называются. Борцы за свободу *сражены пулей, мало прожили, погибли на тернистом пути*, они *погублены* врагами. Их жизнь пронизана самопожертвованием: *Всю молодость жизни цветущей своей / Ты отдал с любовью народу* [1, с. 181]. Умирая, они *кричат* и *стонут* или, напротив, спокойно идут на расстрел потому, что *за правду открыты глаза*. Похороненному бойцу за свободу желают *спать спокойно*.

Ещё более показательны действия, которые производят ради свободы. Прежде всего, они связаны с военной сферой: в исследованных текстах представители Красного движения *за свободу воюют* (*Мы воюем за свободу / И в тайге не пропадем* [13, с. 211]) или *борются*, свободу *завоевывают*, за неё *дерутся, сражаются*, её *стремятся достичь, покупают ценой крови, синяков или дорогой ценой* (*Знай, восставшему народу / Дорогой ценой / Удалось купить свободу, / Счастье и покой* [11, с. 66]), ради неё вступают в бой (*Смело, солдаты Сибири свободной, / В бой за свободу свою!* [1, с. 40]).

Обращает на себя внимание ещё одно действие, производимое ради свободы: её *добывают*. Преимущественно это происходит против воли тех, для кого это делается: партизаны, рабочие, борцы добывают свободу (как и волю) народу без учёта его желаний, при этом ни в одном из проанализированных текстов не говорится о просьбе народа, обращённой к представителям Красного движения, добыть для него свободу. Показателен переход белогвардейцев на сторону красных. Он описывается как раз с помощью этого действия:

*Но взгляды людей изменились,
Солдаты не стали стрелять,
А вместе с народом решились
Свободу для всех добывать* [1, с. 74].

Лишь в единственной песне поётся о том, что умирающий боец, пытаясь добыть свободу, прежде всего преследовал личные интересы: *Скажи жене, родне и детям, / Хотел свободы им добыть...* [1, с. 205].

На свободу *посягают*, её *попирают*, над ней *творят зло*, она может быть *разбита*. Вот почему популярна в песнях периода Гражданской войны потребность *защищать свободу*. Делают это коллективно: *Мы будем вместе дружно / Свободу защищать* [1, с. 45]. Защита должна осуществляться перманентно — *день и ночь*. Кроме того, ещё свободу *отстаивают, не отдают, не сдают*.

Коллективная свобода позиционируется большей ценностью, чем частная жизнь. Показательно, что одновременная смерть многих людей не столь трагична, как гибель в неравной борьбе одного героя, как правило, молодого. Его смерть вызывает недоумение (*Но мало ты пожил, борец за свободу, / Зачем ты погиб на тернистом пути* [1, с. 177]), хотя в текстах о массовой гибели этого вопроса не возникает (*На руках мы несли / Свою жизнь за свободу отдавших* [1, с. 89]). Смерть за свободу будто бы нивелирует базовые человеческие страхи, к которым относится и страх смерти (*за свободу не страшно умирать*). Смерть за свободу не всегда настагает в бою, иногда это казнь, расстрел, мученическая смерть. Все казнимые за свободу продолжают отстаивать свои революционные убеждения, демонстрируют непоколебимое спокойствие:

*Бурятов конвойна команда
К расстрелу ведет мужика,
Борец за свободу спокоен,
За правду открыты глаза* [1, с. 109].

Исполнение песни — одно из мирных действий, связанных с мотивом *свободы*. Песня свободы и честного труда — показатель ликования народа, обращает на себя внимание его продолжительность: *бесконечные года*. Новую интерпретацию получают причитания. В песнях периода Гражданской войны они, исполняемые в память об убитых товарищах, именуются *песнями свободы*. Такую песню исполняют об убитом герое Гражданской войны Погодаеве. Определение — *свободный* — может относиться и к *народу*, поющему *вечную память*, и к *певцу*, и к *песне*, и к *чудному гимну*.

Особого внимания заслуживает атрибутика *свободы*. Преобладающим компонентом её является *знамя* или *флаг*: *священное знамя свободы, знамя свободы, алый флаг пролетарский трудовой, знамя красное, свободное знамя*. Функции, которые приписываются знамени, сводятся к следующим: оно должно *сиять, как звезда, ввысь развеяться, вести за собой, созывать свободы сынов*. *Знамя* не дадут врагам: пожалуй, это единственное действие, которое производят с ним, поскольку в исследованных текстах превалирует его олицетворение. *Знамя* располагается в верхней части пространства, занимая большую территорию: *над страной, над миром; под знаменем* размещены, согласно пролетарской картине мира, *счастье и свобода*.

Свобода стабильно наделяется солярной атрибутикой. Преимущественно это *заря*: *заря свободы, свободная заря*, но встречается и *солнышко*, и *свободное утро*. Обращает на себя внимание, что *заря свободы, свободное утро* появляются как следствие действий: например, для этого должен *сгинуть враг* или *миновать пора*. *Свет свободы* появляется в результате водружения над миром алого флага. Солярная атрибутика вызывает возникновение ряда действий: *Сверкнет свет великой свободной*

зари, /Исчезнет вся скорбь и невзгода [1, с. 61]. Представлена наивная картина мира, в ней будто отсутствует агрессия, активное получение свободы:

*Скоро солнышко проглянет
И пригреет ярким светом,
И народ свободным станет,
Установит власть Советов [1, с. 114].*

Но может появляться и интерпретация образа зари. Например, заря правды, имеющая при этом отношение к свободе: *заря правды светится над нашу свободу*.

Популярным символом света является *факел свободы / факел правды, свободы* (огненная атрибутика): он *горит*, его *несут* нуждающимся. *Свободы искры* Россия занесёт всем, а *огни Октября* озаряют свободную жизнь.

В агрессивном ключе изображается ещё один атрибут свободы — *кровь*; её функция в песнях связана с кровавым жертвоприношением и кровавым самопожертвованием: *кровью добыта свобода и куплена ценой своей крови*. Крови проливается много (*Эти скалистые горы Сибири / Мы дворянскую кровью зальем [1, с. 52], ала кровь проливается рекой*), и делается это неоднократно (*Не раз я проливаю кровь / За ту свободу и любовь [1, с. 221]*), за свободу идут *в кровавый бой*. Кроме того, кровь может рассматриваться не только в качестве платы, но и как субстанция, в которой может быть уничтожена свобода: *Зачем же ты топнись в народной крови / Святой идеал и свободу? [1, с. 61]*.

Другие предметные реалии встречаются реже. С образом свободы могут быть связаны *штыки* (ими она добывается), *пули* (она сражает бойца за свободу), *цепи* (ими мучат стремящихся к свободе). *Царский трон* будет разрушен казаком, выбравшим свободу. Потребность разрушить старый мир до основания, а затем построить свой собственный реализуется в песнях следующим образом: *из непа разрушенья*, появившегося в результате *сожженного мира нужды и горя*:

*Создадим тогда
Светлый храм освобожденья,
Братства и труда [1, с. 46].*

В песнях периода Гражданской войны представление о свободе реализуется в пространственно-временных характеристиках, причём чаще она имеет отношение к пространству, чем ко времени. Локус обычно оказывается значительным, имеет географическое наименование (*царство, страна, край, горы, Советская Русь, Алтай*), но может получать и камерное, рукотворное воплощение (*храм*).

Следует обратить внимание на действия, которые совершают со свободным локусом. На него покушаются враги (*на свободный Алтай налетает стервятников стая*). По этой причине свобода будет *удержана*

в горах. Царство создают с оружием в руках, перед ним *честно исполняют долг*. В этом царстве нет нужды в царе, потому что в нём управятся *своею рукой*, именно в этом пространстве народ становится *сильнее*. Пространство получает временную реализацию: *свободное царство настанет*. Оно не только предназначено для свободной жизни, но и становится местом памяти всех павших за него:

*И в свободном краю, царстве воли, труда
Теплым словом любви он помянет тогда
Тех, кто честно народному делу служил.
И в борьбе за него свою жизнь положил* [1, с. 184].

Показательно, что свобода в локусе возникает до того, как его покидают интервенты. Их присутствие не делает страну несвободной: *Предателей желтых и белых орда / Уйдет из свободного края* [1, с. 243]; *И уедут японцы и чехи / Из свободной страны навсегда* [1, с. 248].

Культовая природа свободы проявляется в том, что с этим мотивом связан мотив храма, который можно воздвигнуть, только разрушив прежний мир. Все усилия — *борьба и рекою пролитая кровь* — не напрасны, поскольку люди возведут *храм святой, прекрасный — / Свободу, братство и любовь* [1, с. 37]. В другом тексте *светлый храм освобожденья, братства и труда* будет создан *у пепла разрушенья*.

Реже свобода характеризуется как время, причём чаще это будущее (*будущая свобода, грядет заветный час с свободой дорогой*), которое уже близко (*скоро настанет свобода*). Убийство партизан лишает их возможности *увидеть свободной поры*. Реже говорится о свободе в прошедшем времени (*зажглася заря свободного утра*).

Следует обозначить понятийные ряды, в которых упоминается свобода. Они состоят из двух, трёх или большего количества компонентов. Преимущественно это духовные ценности, в качестве материальной составляющей упоминается земля. По сути, это интерпретация французского лозунга «Свобода, равенство, братство!» и русского — «Землю — крестьянам!». А.Н. Шустов говорит о масонской природе французского лозунга [14, с. 97]. В XIX в. «на российской почве триада по сути своей так и не прижилась: к ней относились как к чему-то экзотическому, „не нашему“, даже с лёгкой иронией <...>» [14, с. 101]. Но после Февральской революции ситуация меняется. «В ходе Февральской революции, в основе которой лежало стремление к свободе и переустройству государства на республиканских принципах, характерный для буржуазных революций лозунг „Свобода, равенство, братство“ не успел стать базовым принципом трансформирующихся восточнославянских обществ, ибо уже через полгода грянула Октябрьская революция, которая проходила под лозунгами: „Фабрики — рабочим, землю — крестьянам, мир — народам“» [10, с. 80].

В песнях периода Гражданской войны появляются интерпретации лозунгов. За эти ценности необходимо бороться (*за свободу, за братство,*

равенство, любовь; за землю и свободу), за них проливают кровь (за свободу и любовь), восстают (за свободу и за власть), их хотят добыть (свободы и земли), к ним обращаются (свобода, равенство и братство, мир, трудолюбие, любовь), к ним идут (к победе, свободе), их жаждут (равенства, свободы), покупают (свободу, счастье и покой), наступает их пора (радости, просвещения, свободы радости, труда). В некоторых текстах упомянутые ценности находят воплощение через создаваемые предметные реалии (*светлый храм освобождения, / Братства и труда* [1, с. 46]). Предназначение *свободной страны, страны братства, труда* заключается в *укреплении рабочего, а свободного края, царства воли и труда* — в поминовении *теплым словом* погибших.

В песнях представителей Белого движения о свободе говорится нечасто. Несмотря на это, очевидно разительное отличие в трактовке данного мотива в сравнении с песнями Красной армии, что объясняется историческими реалиями. *Свобода* в бою отстаивается, а не добывается, как у оппонентов; с ней не связаны кровавые сцены и насилие, но ради неё корниловцы готовы были пойти *и в воду, и в огонь* [2; 4; 5; 6; 7]. Свобода связана большей частью с образом *Родины, России, Руси*, в меньшей степени — с образом *народа*. Показательно, что большевики находятся за рамками Родины, не являются её частью: *Мы идем на бой с большевиками / За свободу Родины своей* [2]. Битва — не единственный способ добывания свободы. Второй способ — вера. Именно благодаря *вере Русь свободная воскреснет* [7]. В молитве казак просит Бога *за свободу, за народ* [4]. Если красные за правду *стоят, бьются, умирают*, то в песне белых правда выполняет другую функцию — она является проводником свободы. Если красные сами пытаются взять правду, то белые ожидают правды свыше, молятся о даровании её для народа: *А еще просил казак правды для народа: / Будет правда на Земле — будет и свобода* [4].

Итак, произведённый анализ позволяет прийти к следующим выводам. Представления *о воле, неволе и свободе* — одни из значимых в традиционной системе ценностей русского народа. Исследование нескольких песенных жанров — былин, баллад, исторических песен, песен каторги и ссылки, песен периода Гражданской войны — в совокупности даёт возможность выявить специфику каждого из обозначенных понятий. Если в классическом песенном фольклоре обнаруживается стабильная, неосложнённая модель представлений *о воле*, то в позднетрадиционном песенном фольклоре она трансформируется, наполняясь новыми смыслами, обретая неизвестные ранее способы реализации. Если песни каторги и ссылки становятся переходным жанром, где присутствует традиционное представление *о воле*, но при этом уже и активно начинает функционировать представление *о свободе*, то в песнях периода Гражданской войны представления *о воле* отходят на задний план, уступая лидирующие позиции новому для традиционной системы ценностей понятию — *свободе*. Представление *о неволе* в классическом песенном фольклоре более разработано, чем представление *о воле*.

В балладах и исторических песнях *воля* воплощает ряд признаков: она преимущественно связана с конкретным человеком, а не с группой, она становится ценностью, когда человек лишён её, связана с пространством (*воля* — это всегда стремление из чужого пространства в своё, на Родину) и свободой передвижения. В песнях каторги и ссылки *воле* приписывается более ярко выраженное эмоциональное восприятие, чем в указанных выше жанрах, она реализуется в природных объектах, приравнивается к жизни. *Свобода* связана с сердцем, духовной потребностью человека.

Неволя, пленение касаются как одного человека (женщин — чаще в балладах, мужчин — в былинах и исторических песнях), так и группы лиц, связаны с ограничением свободы, подчинением чужой воле (при этом если возникает необходимость трудиться, то невольники готовы выполнять любые работы). Неволят всегда чужие — по национальной принадлежности, представители другой социальной группы. Кроме заключения, к пленению приравнивается замужество или солдатчина. Показателен образ *невольника* — русского героя, сильной личности, которую не смогли сломить трудные жизненные обстоятельства. Но в песнях каторги и ссылки образ *невольника* меняется: это психологически слабая личность, нуждающаяся в эмоциональной и материальной поддержке, тяготящаяся трудом. Неволя здесь — заточение, горькая участь, ограничение свободы.

Представление *о воле* в песнях периода Гражданской войны поддается активному влиянию представлений *о свободе*, усваивая свойственные последней черты: завоевание как единственно верный способ получения, необходимость принесения кровавых жертв, навязывание воли другим без просьбы о ней. Это указывает на то, что смысловое содержание *воли* становится практически идентичным семантическому наполнению понятия *свободы*. Но в сравнении воли со свободой именно последняя являет более богатую картину смыслового содержания. *Свобода* в песнях Гражданской войны связана с образами страдающих: крестьян, рабочих, партизан; представителям других сословий она не нужна, показателем высшей степени надобности в ней являются наименования родственных связей со свободой. Она всегда активно, агрессивно добывается, при этом акцент делается на угнетении, что почти нивелирует негативное восприятие методов её получения. Лучшие герои — борцы за свободу — убиты, самопожертвование изображается единственно верной моделью поведения. Жизнь как ценность не позиционируется, страх смерти отрицается. Свобода нуждается в постоянной защите, при этом общая свобода — большая ценность, чем частная жизнь. Свобода навязывается меньшинством большинству, ни в одном из проанализированных текстов крестьяне или рабочие не просят партизан добыть им свободу. Свобода имеет чётко сформированную атрибутику из предметных реалий, что уменьшает значимость её пространственно-временной реализации, приобретает культовую природу, становится предметом поклонения масс.

Иную картину обнаруживает представление *о свободе* в песнях Белого движения. В них она неагрессивна, её отстаивают, но не добывают

в кровавой борьбе. Если у партизан свободу можно получить нападая, то у белых — защищая; если крестьяне и рабочие берут свободу силой и сами, то белые рассчитывают на внешнее вмешательство, просят Бога о даровании им свободы, что уже указывает на диаметрально противоположные взгляды в восприятии данного понятия. Свобода предназначена для представителей Белого движения, она стабильно связана с образом Родины.

Сравнение представления *о воле* в классическом песенном фольклоре с представлением *о свободе* в позднетрадиционном фольклоре показывает, что *воля* и *свобода* — разные, почти не пересекающиеся понятия. *Воля* — частная, нужна самому человеку, добывается бескровными методами, имеет отношение к представителям всех классов, ей присуща слабая эмоциональная окрашенность. *Свобода* — массовая, навязывается другими, добывается в кровавой борьбе, имеет отношение к представителям конкретного класса, сильно эмоционально окрашена.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Героическая поэзия гражданской войны в Сибири / сост. Л.Е. Элиасов. Новосибирск: Наука, 1982. 337 с.
2. Гимн РОА. URL: <https://pesniclub.com/text/хор-ипк-валаам-мы-идём-широкими-полями> (дата обращения: 19.08.2019).
3. Исторические песни. Баллады / сост., подг. текстов, вступ. ст., коммент. С.Н. Азбелева. М.: Современник, 1991. 765 с.
4. Казачья молитва. URL: <https://pesniclub.com/text/братина-казачья-молитва> (дата обращения: 19.08.2019).
5. Марш корниловцев. URL: https://vk.com/topic-35648597_26079332 (дата обращения: 19.08.2019).
6. Марш корниловцев. URL: <https://pesniclub.com/text/белогвардейские-марши-марш-корниловцев> (дата обращения: 19.08.2019).
7. Марш сибирских стрелков. URL: <https://pesniclub.com/text/хор-пересвет-марш-сибирских-стрелков-1914-г> (дата обращения: 19.08.2019).
8. Песни царской неволи / сост. С.И. Красноштанов. Хабаровск: Кн. изд-во, 1985. 128 с.
9. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / изд. подг. Ю.И. Смирнов, Т.С. Шенталинская. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 499 с.
10. Савенко А.Ю. Свобода, равенство, братство в контексте трансформаций восточнославянских обществ XX века // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы: материалы X Междунар. науч. конф. Гомель: Знание, 2017. С. 79—81.
11. Тропами таёжными. Песни и частушки Гражданской войны на Дальнем Востоке / вступ. ст., подг. текста и примеч. С.И. Красноштанова. Хабаровск: Кн. изд-во, 1969. 160 с.
12. Фольклор Дальнеречья / сост. Л.М. Свиридова. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1986. 288 с.
13. Фольклор казаков Сибири / сост. Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский. Улан-Удэ: Типография Управления по печати при Совете Министров БурАССР, 1969. 364 с.
14. Шустов А.Н. Свобода, равенство, братство: из истории русской общественно-политической лексики // Русская речь. 2012. № 3. С. 96—101.

REFERENCES

1. *Geroicheskaya poeziya grazhdanskoj vojny v Sibiri* [Heroic Poetry of the Civil War in Siberia]. Compl. by L.E. Eliasov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982, 337 p. (In Russ.)
2. *Gimn ROA* [The Anthem of the Russian Liberation Army (RLM)]. Available at: <https://pesniclub.com/text/хор-ипк-валаам-мы-идем-широкими-полями> (accessed 19.08.2019). (In Russ.)
3. *Istoricheskie pesni. Ballady* [Historical Songs. Ballads]. Comp., text prep., introd., comment by S.N. Azbelev. Moscow, Sovremennik Publ., 1991, 765 p. (In Russ.)
4. *Kazach'ya molitva* [Cossack Prayer]. Available at: <https://pesniclub.com/text/братина-казачья-молитва> (accessed 19.08.2019). (In Russ.)
5. *Marsh kornilovtsev* [The March of the Kornilovites]. Available at: https://vk.com/topic-35648597_26079332 (accessed 19.08.2019). (In Russ.)
6. *Marsh kornilovtsev* [The March of the Kornilovites]. Available at: <https://pesniclub.com/text/белогвардейские-марши-марш-корниловцев> (accessed 19.08.2019). (In Russ.)
7. *Marsh sibirskikh strelkov* [Siberian Riflemen's March]. Available at: <https://pesniclub.com/text/хор-пересвет-марш-сибирских-стрелков-1914-г> (accessed 19.08.2019). (In Russ.)
8. *Pesni tsarskoj nevoli* [Songs of Imperial Captivity]. Compl. by S.I. Krasnoshtanov. Khabarovsk, Kn. izd-vo Publ., 1985, 128 p. (In Russ.)
9. *Russkaya epicheskaya poeziya Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Russian Epic Poetry of Siberia and the Far East]. Edition prep. by Yu.I. Smirnov, T.S. Shentalinskaya. Novosibirsk, Nauka, Siberian branch Publ., 1991, 499 p. (In Russ.)
10. Savenko A.Yu. Svoboda, ravenstvo, bratstvo v kontekste transformacij vostochno-slavyanskikh obshchestv XX veka [Freedom, Equality, Fraternity in the Context of Transformations of the East Slavic Societies of the Twentieth Century]. *Mentalitet slavyan i integratsionnye protsessy: istoriya, sovremennost', perspektivy: materialy X Mezhdunar. nauch. konf.* [Slavic Mentality and Integration Processes: History, Contemporaneity, Prospects: Proceedings of the 10th International Scientific Conference]. Gomel', Znanie Publ., 2017, pp. 79—81. (In Russ.)
11. *Tropami taezhnymi. Pesni i chastushki Grazhdanskoj vojny na Dal'nem Vostoke* [The Taiga Paths. Songs and Ditties of the Civil War in the Far East]. Introd., text prep. and comment by S.I. Krasnoshtanov. Habarovsk, Kn. izd-vo Publ., 1969, 160 p. (In Russ.)
12. *Fol'klor Dal'nerech'ya* [Folklore of Dalnerechye]. Compl. by L.M. Sviridova. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta Publ., 1986, 288 p. (In Russ.)
13. *Fol'klor kazakov Sibiri* [Folklore of the Cossacks of Siberia]. Compl. by L.E. Eliasov, I.Z. Yarnevskiy. Ulan-Ude, Tipografiya Upravleniya po pečati pri Sovete Ministrov BuRASSR Publ., 1969, 364 p. (In Russ.)
14. Shustov A.N. Svoboda, ravenstvo, bratstvo: iz istorii russkoj obshchestvenno-politicheskoj leksiki [Freedom, Equality, Fraternity: From the History of the Russian Socio-Political Vocabulary]. *Russkaya rech'*, 2012, no. 3, pp. 96—101. (In Russ.)